Р. П. ДМИТРИЕВА

Русский перевод XVI в. польского сочинения XV в. «Разговор магистра Поликарпа со смертью»

«De morte prologus», или «Разговор магистра Поликарпа со Смертью», — памятник польской средневековой поэзии XV в.[1] — известен в переводе на русский и украинский языки. Польский текст этого стихотворного диалога, в котором религиозно-нравоучительная тема разработана в сатирическом направлении, не без юмористических деталей, именно ввиду этого своеобразия получил в научной литературе несколько противоречивую оценку.

В «Лекциях по истории польской литературы» А. Л. Погодин[2] вначале отмечает, что «Разговор» помещен в рукописи рядом с проповедями, поэтому «благочестивая цель стихотворения не подлежит сомнению»; автор его, по мнению А. Л. Погодина, вышел из среды, близкой к схоластической школе. Но, разобрав подробно содержание стихотворения, исследователь к концу лекции пришел к несколько иному выводу: «Prologus de morte» вышел из самой школьной среды, его автором был какой-нибудь «разбитной школяр, любитель выпить и пошутить, знаток родной речи с ее прибаутками и летучими словами».

А. Брюкнер[3] считает «Разговор магистра Поликарпа со Смертью» самой интересной поэмой польского средневековья, хотя и написанной на религиозную тему, но разработанную в сатирическом плане. К сожалению, все эти положения в работе не развернуты.

Один из последних исследователей «Разговора магистра Поликарпа со Смертью» И. Янов[4] склонен отнести его к произведениям церковно-учительной лирики; главным аргументом в пользу этого вывода исследователь считает то, что это произведение дошло в составе сборника проповедей.

В курсе истории польской литературы В. Б. Оболевича[5] «Разговор» определяется как произведение плебейско-гуситской поэзии, которое и по содержанию, и по сатирической окраске, и по наличию в нем мотивов народной поэзии согласуется с общим направлением плебейской литературы. Эта характеристика В. Б. Оболевича не была подтверждена им анализом «Разговора».

---

[1] Искренне признательна за помощь в переводе текста с польского на русский Я. В. Мацюсович и Р. Лужному.

[2] А. Л. Погодин. Лекции по истории польской литературы, ч. 1. Харьков, 1913, стр. 110—116.

[3] A. Brückner. Dzieje kultury Polskiej, t. I Książka i wiedza, 1957, стр. 590—591.

[4] I. Janów. Polikarp na Rusi. — Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, N 3. Warszawa, 1958, Państwowe wydawnictwo naukowe, стр. 189—200.

[5] В. Б. Оболевич. 1) История польской литературы. Изд. ЛГУ. Л., 1960, стр. 39; 2) Польская литература. Изд. ЛГУ. Л., 1959, стр. 25—26.

Как вершина польской средневековой поэзии определяется «Разговор магистра Поликарпа со Смертью» С. Вртель-Верчинским.[6] Отмечая его большие литературные достоинства, подчеркивая его сатирические и юмористические элементы, С. Вртель-Верчинский в своей статье обращает внимание и на другую немаловажную сторону этого произведения — на яркое отражение в нем явлений польской общественной жизни и быта XV в. Своим содержанием этот стихотворный диалог явно связан с реформационным движением. Исследователь приводит примеры близости между «Разговором» и западноевропейскими «плясками Смерти», сопоставляет его с чешским «Диалогом человека со Смертью». Он усматривает отголоски гуситского движения в содержании памятника, но не делает определенного вывода. В сатирической характеристике «злого монаха» исследователь скорее склонен видеть черты не гуситского, а антигуситского движения.

Таким образом, С. Вртель-Верчинский связывает «Разговор Поликарпа со Смертью» с реформационным движением, отмечает отражение в нем в яркой сатирической форме волнующих явлений того времени, хотя и не уточняет, в защиту или в осуждение реформации создано это стихотворение.

На древнерусский перевод впервые обратил внимание С. О. Долгов, который в 1890 г. сделал доклад о нем на VIII археологическом съезде.[7] Он охарактеризовал это произведение как один из вариантов «Прения Живота со Смертью» и указал, что оно некоторыми своими чертами близко к западноевропейским «пляскам Смерти», заметил, что в переводе «частью выброшены эпизоды, не идущие к цели душевной пользы». По мнению С. О. Долгова, это произведение попало на Русь через Польшу и Украину.

Наличие в переводе полонизмов и украинских слов отметил А. И. Соболевский.[8]

Текст древнерусского перевода «Разговора магистра Поликарпа со Смертью», который в переводе называется «Сказание о Смерти некоего мистра великого сиречь философа», впервые и единственный раз был издан в 1907 г. голландской исследовательницей А. К. Круазе ван дер Коп[9] параллельно с текстом польского оригинала. Такое издание дает возможность наглядно сопоставить польский и русский тексты для уяснения характера перевода. В издании использованы все три известных списка древнерусского перевода. Круазе ван дер Коп, сопоставив их между собой и сравнив с оригиналом, определила список, ближе сохранивший первоначальный текст перевода, и положила его в основу издания, которое в целом выполнено достаточно точно (пропущена одна фраза, есть мелкие опечатки и отступления от рукописи).

Краузе ван дер Коп подчеркнула значение русского перевода для изучения польского текста стихотворения, так как в русском переводе сохранилось окончание, которое утрачено в польском оригинале. Это окончание учитывается и польскими исследователями для восстановления утерянного конца польского текста.

---

[6] S. Vrtel-Wierczyński. Średniowieczna poezja polska świecka. Wrocław (1952), стр. XV—XXXIX (Biblioteka narodowa, № 60, seria I).

[7] С. О. Долгов. Новый вид «Прения Живота и Смерти». — Труды восьмого археологического съезда в Москве, 1890 г., т. II. М., 1895, стр. 28—33.

[8] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, стр. 234.

[9] A. C. Croiset van der Kop. Altrussische Übersetzungen aus dem Polnischen I. De morte prologus, 1907, стр. 29—74.

Лишь А. Брюкнер[10] уделил некоторое внимание русскому переводу, хотя и в беглых замечаниях, которые сводятся к следующему: перевод на Русь попал, вероятно, через Белоруссию, переводчик снял стихотворную форму и упростил содержание, сведя его к аскетическим положениям, типичным для Руси, враждебной светской литературе.

Таким образом, существуют только беглые наблюдения над русским переводом «Разговора» и совершенно не изучено значение его в общественной и литературной жизни Руси.

Сохранилось лишь три списка древнерусского перевода «Разговора магистра Поликарпа со Смертью», которые имеют одно и то же заглавие — «Сказание о Смерти некоего мистра великого сиречь философа». С. О. Долгову был известен список собрания Волоколамского монастыря, № 573; Круазе ван дер Коп издала текст по этому Волоколамскому списку с разночтениями по спискам ГПБ, шифр Q.I.1007 (собр. Богданова) и O.I.426 (собр. Буслаева).

Волоколамский список (ГБЛ, собр. Волоколамского монастыря, № 573)[11] находится в сборнике в четверку, на 428 листах, писан полууставом разными почерками; по почерку и водяным знакам рукопись можно отнести ко времени не позднее 40-х годов XVI в.[12] На обороте верхней крышки переплета надпись: «Соборник сей Иосифова монастыря церковной»; на первом ненумерованном листе — «Сия книга Осифова монастыря саборник»; на обороте нижней крышки переплета написано: «Отдати ся грамотка в Осифове монастыре второму Ларионовичю». Все эти записи сделаны скорописью, вероятно в XVI в. В сборнике наряду с другими статьями имеются произведения, принадлежащие Иосифу Волоцкому: лл. 25 об.—30 об. — выдержки из минейной редакции «Устава» Иосифа; лл. 53—57 — Первое послание князю Юрию Ивановичу; лл. 207—208 — Поучение Иосифа «о еже не исходити мнихом из обители»; лл. 300—302 — Послание некоему брату о соблюдении заповедей; лл. 302 об.—305 — Епитимия Иосифа Волоцкого.[13]

---

[10] A. Brückner. Dzieje kultury Polskiej, t. I, стр. 593, 615, 653.

[11] Рукопись описана: Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии, иеромонаха Иосифа. М., 1882, стр. 221—228.

[12] Водяные знаки: «Тиара» — Лихачев, Вод. зн., № 1635 (1536 г.), № 3715 (1541 г.); буква Р с розеткой — Лихачев, Вод. зн., № 1567 (1530 г.), № 1693 (1541 г.); «Перчатка» — Брике, № 11361 (1535 г.), «Рука с трилистником» — Брике, № 11465 (1516—1540 г.); «Маленький козел» — Брике, № 2857 (1531—1532 гг.).

[13] В первом послании Юрию Ивановичу, которое помещено в сборнике вслед за «Разговором Поликарпа со Смертью», имя Юрия Ивановича заменено на «имя рек», так же как и в сборнике Нифонта Кормилицына (Q.XVII.15), игумена Волоколамского монастыря (1522—1543 гг.). Поэтому можно предполагать, что оно внесено в сборник после 1534 г., когда Юрий Иванович по приказу Елены Глинской был заточен. Об этом см. в кн.: Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, стр. 134. В Волоколамском же сборнике находится «Поучение некоего великого старца к духовному брату» (л. 158), которое имеется и в сборнике поучений Иоанна Златоустого собрания Волоколамского монастыря, № 435 (на л. 350 об.), написанном при игумене Нифонте (л. 360: «Сей съборник дал Феогност клирошанин к пречистой в Иосифов монастырь, при игумене Нифонте). «Слово о некоем мнисе, иже исхожаше из монастыря в иной монастырь, не терпя досады от братии» (л. 316) встречается в другом сборнике Волоколамского монастыря, № 432 (л. 222), написанном тоже в XVI в. «Видение преподобного отца Евлогиа иже на всенощных бдениих не разслаблятися леностию» (л. 358) повторяется еще в одном сборнике XVI в., принадлежащем Волоколамскому монастырю, № 515 (л. 468). Все это косвенно свидетельствует о том, что сборник составлялся в Волоколамском монастыре, в него включались статьи, популярные в XVI в. в среде иноков монастыря и вероятнее всего при игумене Нифонте (1534—1541 гг.).

На лл. 209—239 помещено «Надписание всем псалмам», в конце статьи на лл. 239 об.—240 заметка: «Се надписание псалмом переведены на русский язык из немецкое псалтыри в лето 7008 го, а в латинской псалтыри надписание однакы с нашими с рускыми слово в слово». Эта запись, но в более полном виде имеется в рукописях XVI в. (собр. Погодина, № 88; Архив Министерства иностранных дел, № 438/899), где сообщается еще, что перевод сделан был в 1488 г. или Дмитрием Герасимовым, или Толмачем Власием по повелению архиепископа Геннадия.[14] Для нас важно отметить, что в этот сборник был включен перевод псалтыри, сделанный в кружке архиепископа Геннадия, что лишний раз подтверждает выводы о существовании активной связи Геннадиевского кружка с Иосифо-Волоколамским монастырем.[15]

Перевод «Разговора Поликарпа со Смертью» находится в сборнике на лл. 48—52 об. и называется «Сказание о Смерти некоего мистра великаго сиречь философа». Как видно из приведенного выше, этот сборник, сохранивший следы литературной деятельности иосифлянского круга времени игумена Нифонта, был написан в Волоколамском монастыре, видимо, в 30-е годы XVI в.

Второй список «Сказания о смерти некоего мистра» находится в сборнике ГПБ, шифр Q.I.1007 (из собрания Богданова),[16] в четверку, на 311 листах, писан полууставом XVII в. Статьи сборника не совпадают с Волоколамской рукописью. Текст «Сказания о Смерти некоего мистра» расположен на лл. 256—259. В рукописи много миниатюр, выполненных в одной манере, помещенных, как правило, перед началом статей. На л. 255 об. имеется миниатюра, относящаяся к «Сказанию о Смерти некоего мистра», с изображением появления Смерти перед мистром в церкви при большом собрании людей. Сверху листа над миниатюрой написано: «О сопрении мистра со Смертью».

Третий список «Сказания некоего мистра» помещен в рукописи ГПБ, шифр О. I. 426 (из собр. Буслаева),[17] сборник в восьмерку, на 468 листах и 15 печатных листов в конце рукописи, писан скорописью первой половины XVIII в. На рукописи много владельческих записей. На л. 464 об. запись почерком первой половины XVIII в.: «Сия книга Петра С. ...», другим почерком приписано здесь же: «1795 году... августа». На л. 468 об. скорописью первой половины XVIII в. написано: «Книга глаголемая Цветник скорописной села Павлова крестьянина Петра Иванова сына Солодовникова». На л. 3 почерком XVIII в.: «Сия книга Цветник села Василива жителя Екима Степанова сына Мятелькова», на л. 3 об. — «Сей Цветник Василья Андреева», на л. 4 об. — «Сия рука Нестора Акимова, он своеручно подписался». Статьи этого сборника не совпадают с двумя предыдущими. В рукописи имеются произведения: Сказание о Вавилоне-граде, Сказание об Удоне, Прение живота со Смертью, Повесть о белом клобуке, Житие Петра и Февронии. «Сказание некоего мистра» помещено на лл. 71—75.

---

[14] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, стр. 184—186.

[15] Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 267.

[16] Рукопись описана: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1888 г., приложение — каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова, вып. 1. Составил И. А. Бычков. СПб., 1891, стр. 122—127.

[17] Рукопись описана: Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке. Составил И. А. Бычков. СПб., 1897, стр. 184—193.

Состав статей трех сборников, включающих «Сказание некоего мистра», неодинаков и по нему нельзя определить взаимосвязь между списками «Сказания». Из сопоставления текстов «Сказания» можно сделать следующие выводы. Наиболее ранний и наиболее полный текст «Сказания», как было установлено Круазе ван дер Коп, находится в Волоколамском списке. Списки Богданова и Буслаева оканчиваются значительно раньше, на одном и том же месте. Но только в списке Буслаева, как и в Волоколамском, сразу же после текста «Сказания» как его продолжение помещены нравоучительные изречения о неизбежности смерти и о необходимости помнить о ней. Изречения в Волоколамском списке, хотя и совпадающие по теме с помещенными в Буслаевском, не повторяют их.

Список Богданова более ранний, чем список Буслаева, и текст в нем ближе к тексту Волоколамской рукописи, в списке Буслаева больше отступлений от чтений Волоколамского списка. Списки Богданова и Буслаева имеют общее происхождение, но в списке Буслаева имеются уже более поздние наслоения.

Сопоставление всех списков между собой позволяет сделать еще один вывод. Списки Богданова и Буслаева не только более поздние, но, кроме того, они свое происхождение ведут именно от Волоколамского списка. Это не значит, что они были непосредственно списаны с Волоколамского списка, но те списки, к которым они восходят, могли быть списаны только с Волоколамского списка. Это легко доказывается особенностями Волоколамского списка.

В Волоколамском списке к основному тексту «Сказания» на полях сделаны пометы. В одном месте допущен пропуск в тексте: несколько строчек на листе оставлены незаполненными. При сравнении с польским оригиналом этой части «Сказания» видно, что пропуск Волоколамского списка приблизительно соответствует тем строчкам польского оригинала, которые как раз в этом месте пропущены в Волоколамском, видимо, для них и было оставлено чистое место в рукописи. Возможно, что Волоколамский список и является первым списком перевода, а если не первым, то очень близким к первому и точно копирующим его.

Вернемся к правке на полях Волоколамского списка. На полях приписаны отдельные слова с условными пометами, повторяющимися у соответствующих слов в тексте, которые, однако, там не вычеркнуты. Это, вероятно, осторожная редакторская правка: на полях приводятся другие возможные чтения некоторых слов, первый вариант перевода которых оставлен в тексте и отмечен значком. Перевод пытались усовершенствовать, предлагая замену отдельных слов. Во всяком случае приписки на полях свидетельствуют о том, что после написания этого списка текст перевода подвергли некоторой дополнительной доработке.

Поправки на полях носят характер некоторых разъяснений, более удачных чтений, по мнению редактора. Отметим, что правка на полях была сделана не на основании нового сличения перевода с оригиналом; те новые чтения, которые приводятся на полях, не делают текст более близким к оригиналу, а иногда даже искажают его.

Приведем эти новые чтения, сделанные на полях в Волоколамском списке, и одновременно проследим соответствующие места в списках Богданова и Буслаева.

1. В тексте стоит слово «мистр» (в польском тексте — mysthrz); на полях справа в стороне приведено чтение «лекарь».[18] Редактор, возможно, ото-

[18] Слово «мистр» встречается в послании Феофила Дедеркина великому князю Василию Васильевичу Темному в сборнике XV в., см: П Симони Памятники ста-

ждествил эти два слова по той причине, что в конце «Сказания» говорится о лекаре; редактор решил, видимо, что это главное лицо рассказа, которое вначале было названо «мистром». В списках Буслаева и Богданова осталось слово «мистр», слово «лекарь» не было включено в текст.

2. К слову «разразился» (в польском тексте — staknal) на полях сверху листа (на некотором расстоянии от текста) дано чтение «затрепетал». В списки Богданова и Буслаева оно не попало.

3. Польский текст: «...у dw lothrv na krzysz wbyla. Alem koszy naruszyla, gdym crystvsza vmoczyla, bo w nyem byla boszka zyla» (... и двух разбойников на кресте убила. Косу притупила, когда Христа морила, ибо в нем была божественная сила) — переведен был так: «И дву разбойников на кресте избила. А в едином была сила божиа, коли Христа уморити хотела, едва есмь на него ся опустила, и ту есми свою косу нащербила». Редактор не понял фразу «А в едином была сила божиа» и на полях справа в той же строчке к слову «едином» приписал слово «разбоин». Этой части текста уже нет в списках Богданова и Буслаева, поэтому неизвестно, было ли учтено в промежуточных списках данное добавление.

Перечисленные примеры действительно подтверждают, что добавления на полях делались не с целью уточнить перевод по оригиналу, а текст редактировался уже независимо от оригинала, поэтому иногда новая правка вела даже к искажениям.

Следующие примеры правки на полях Волоколамской рукописи позволят убедиться, что списки Богданова и Буслаева могли вести свое происхождение только от Волоколамского списка, хотя и через ряд утерянных промежуточных списков.

1. К слову «шкаредна»[19] (в польском тексте — skaradego), с которого начинается новая строчка текста в Волоколамской рукописи, на полях слева рядом написано слово «нелепа». Ввиду того что эта правка была внесена слева и в одной строчке рядом со словом «шкаредна», последующие переписчики посчитали его включенным в текст; этим только объясняется то, что в списках Буслаева и Богданова оба определения находятся рядом — «нелепа, скаредна».

2. К слову «поотложити» (в польском тексте — rzuszycz) приведено чтение «отвратити», которое написано на полях слева, рядом с окончанием слова «поотложити»; как и в первом случае, при дальнейшей переписке слово «отвратити» оказалось включенным в текст, поэтому это место читается так: в списке Богданова — «поотвратися мало отложи», в списке Буслаева — «отвратися, но мало отложи». Отметим, что перед словом «поотложити» в Волоколамском списке стоит слово «рачи» (в польском тексте — racz), которое было опущено при дальнейшей переписке: его нет в списках Буслаева и Богданова.

3. К слову «дарма» (в польском тексте — darma), которым начинается строчка Волоколамского текста, на полях слева приписано слово «всуе». В списки Богданова и Буслаева это новое чтение было внесено, но слово «дарма» исчезло.

4. К тексту «Коли бог сотворил человек» на полях сверху редактором добавлено слово «в раи», которое было учтено последующими переписчиками; оно имеется в списках Богданова и Буслаева, где читается — «в раю».

ринного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. III. Задонщина по спискам XV—XVIII столетий, стр. 13—16 (СОРЯС, т. С, 1922, № 2).

[19] У И. И. Срезневского в «Материалах для словаря древнерусского языка» (т. III. СПб., 1893) слово «скаредный» переведено — «нечистый, бесстыдный, бесчестный».

Эти примеры свидетельствуют о том, что сохранившиеся списки «Сказания некоего мистра» могли восходить только к Волоколамскому списку как к оригиналу. Следовательно, все, что нам сохранили рукописи, свидетельствует о том, что первоначальным вариантом для всего сохранившегося является текст Волоколамского списка. Здесь же отметим (это будет важно для дальнейших выводов), что именно в Волоколамском списке текст исправлялся и редактировался.

В целом относительно правки на полях Волоколамской рукописи можно сказать, что она сделана без обращения к польскому оригиналу, в отдельных случаях с целью стилистической отделки и удаления некоторых полонизмов (например, «драма», «шкаредна»), в некоторых — чтобы сделать текст более понятным для читателя (например, добавление слова «разбоин»).

Обратимся к сопоставлению русского перевода «Разговора Поликарпа со Смертью» с его польским оригиналом. Перевод делался по строчкам польского стиха, и если переводчик пропускал текст, то непременно в объеме целой строчки или нескольких стихов подряд. Довольно часто польские слова, близкие по своему звучанию древнерусским, переносились в русский текст, например: postawa — постав, vyelmy skaradego — велми шкаредна, lsczy szya yako myethnycza — лщисть акы медница, garnek — гарнок, nyebosze — небоже, nadzeya — надежа, obyczyla — обесила. Иногда польские слова, близкие по своему звучанию древнерусским, но имеющие в польском языке несколько иной смысл, чем в русском, приведены в русском тексте без перевода, в результате чего в некоторых случаях наблюдается незначительное, правда, искажение текста. Приведем примеры:

Польский текст	Древнерусский текст
1) osztal (odstawić — отстать)	оставил

В данном случае получилось искажение текста: в оригинале Поликарп отстал от всех людей в костеле, в переводе же, наоборот, он оставил всех людей в церкви и в их присутствии встретился со смертью.

2) Vpathlczy gyey. konyecz nosza (upaść, wpaść — провалиться)	Конец носа ей отпало
3) Vypyala szebra y kosczy (wypiąć — выпятить)	Выпала свои кости
4) abych czy szya vkaszala (ukazać się — показаться)	дабых ти ся указал
5) tesznycze — (тоска)	тошница
6) racz rzuszycz oth szebye kosza, acz swoya glova pothnyosza (podnosić — поднимать)	рачи поотложити от тебе косу, и яз ти свою косу поднесу

Отступления от польского оригинала в древнерусском переводе выражаются главным образом в пропусках больших или малых отрывков текста. Изредка встречаются небольшие вставки (не более одной строчки) или замена отдельных слов. В начале пропуски небольшие, в одну-две строки, но чем дальше к концу, тем сокращения становятся все значительнее, опускаются большие отрывки; поэтому русский перевод заметно короче польского стихотворения. В польском тексте конец утрачен, он сохранился в русском переводе. Но из предшествующих окончанию 250 строк польского оригинала переводчиком были выбраны только четыре строки, которые были включены в перевод. Вполне возможно, что до

сохранившегося окончания в русском варианте в оригинале мог быть текст, который русский переводчик, как и предыдущие строки, не захотел включить в перевод.

По каким же причинам текст польского стихотворения сокращался в русском переводе? Если проследить все случаи сокращений перевода, то можно заключить, что сокращения делались в двух планах: 1) с целью просто уменьшить произведение, 2) каждый раз, когда переводчику попадались народно-бытовые выражения, сопоставления юмористического плана, он решительно отклонял все эти места оригинала. И те незначительные изменения и добавления, которые встречаются в переводе, делались с этой же самой целью. Приведем ряд примеров.

В начале стихотворения русский переводчик пропустил две строчки:

Vy czo yey nyzacz nye macze,
przy skonanyv ya posznacze.[20]

Этот пропуск мог быть сделан механически, так как предыдущая строчка тоже кончалась словом «познаете», поэтому переводчик, видимо, и выпустил эти две строчки, решив, что они уже переведены.

В описании внешнего облика смерти в русском тексте сделаны сокращения, не включено строк восемь из подробного и красочного польского текста:

Польский текст	Русский перевод
przyrodzenya nyewyeszczyego,	
obraszą vyelmy skaradego,	образом велми шкаредна
lokthvszą przepaszanego,	
chvda, blada, szolthe lycze,	худа, бледа, жолта лица,
lsczy szya yako myethnycza;	лщисть акы медница,
vpathlczy gyey konyecz nosza,	канець носа ей отпало,
sz oczv plynye krvaua rosza,	изо очию пловет кровава роса,
przevyaszala glova chvstv,	тело ся на ней сморщило,
yako szamoyecz krzyvousta,	превязала главу рубищем,
nye bylo varkv gyey gaby	
poszevayacz szkzytha szaby.	крива уста,
Myecze oczy szawraczayacz,	мещет очима закалающе грозно,
groszna kocza w rakv mayvncz.	косу в руце имея
gola glowa, przykra mowa,	
sze phszech stron skarada	
postawa	

Видимо, в данном случае пропуски делались для простого сокращения. Этим же объясняется и невключение в перевод следующих строк: «groszno szyeczye przesz luthosczy» (грозно сечет без милосердия); «zolthe oszy, zyuoth blady (желтые очи, бледное тело); «wszythka szwa mocz wszyavyla» (всю свою силу тебе явила); «yszesz mya tako postraszyla» (что ты меня так устрашила): «y dvsza by vypądzyla» (и с душой меня разлучила); «chczacz go szbavycz wszego gorza» (желая его избавить от всякого горя); «chczacz gy szbawycz wszey byady» (желая его избавить от всякой беды).

Но большинство сокращений и некоторые небольшие изменения сделаны в русском переводе по другой причине. Если польское стихотворение изобилует сравнениями, юмористическими и бытовыми сопоставлениями, то в русском переводе ничего подобного нет. В нем остались только такие сопоставления, которые связаны со словом «коса», что для данной темы является не только уместным, но даже необходимым, так

[20] Вы, которые ей пренебрегаете,
при скончании ее познаете.

как образ смерти в древнерусской литературе представляется непременно с косой в руке. Пожалуй, единственное бытовое сравнение, проникшее в перевод, имеется в следующей фразе: «отхощется и с медом гарнок, коли принесу меду гарнок». Правда, передает оно оригинальный текст с искажением, в польском стихотворении это звучит так: «othchodzocz szya sz myodem tarnek, gdycz przynyosza yadv garnek».

Русский перевод в целом воспринимается как назидательно-наставительное произведение, близкое поучительным повестям и притчам. Из его текста нельзя извлечь ни одного юмористического примера или сравнения, которые в большом количестве имеются в оригинале. Каким путем смог добиться этого переводчик, можно проследить на ряде примеров.

Содержанию польского стихотворения в целом юмористически сатирическое звучание придает прием сопоставления беседы между Смертью и Поликарпом как разговора между учителем и провинившимся учеником. Через все произведение проходит нить издевательства над магистром, который бесконечно унижается перед Смертью. Эта ситуация и придает всему произведению, несмотря на мрачную тему, веселое звучание.

Автору стихотворения понравилась идея сопоставления со школьными порядками. В начале стихотворения Смерть представлена как грозный учитель. Во вступлении говорится, что все люди в свое время должны предстать перед Смертью, причем это передано в такой фразе: «Kaszdy w gey scolye bycz muszy, dzuszno szya szvym zakom stavy» (Каждый в ее школе быть должен, удивительно она является своим ученикам). Русский переводчик внимательно следит за сравнениями со школьной терминологией и старательно их снимает в своем переводе как в данном случае, так и в дальнейшем. Эта фраза в русском тексте звучит так: «Каждый в ея власти имат быти, дивно ся в своем законе ставит».

Автор польского стихотворения, развивая свою мысль, говорит, что хочет привести пример на эту тему — о том, как перед Смертью предстал некий Поликарп, мудрец великий и избранный учитель (madzecz vyelyky, mysthrz vybrany). Увидев Смерть, этот мудрец упал навзничь, «как дурак» (yako vyla). Последние два слова не были включены в русский текст.

Моментальное превращение мудреца в бестолкового, перепуганного школьника придает беседе между Смертью и Поликарпом юмористически сатирический характер. Смерть обращается к магистру как к незадачливому ученому:

Wstan, mystrzv, othpovyecz, gyesthly vmyesz,
Za po polszkv nye roszvmyesz?
Snacz czy sortes [21] nye pomosze,
Przelaknalsz szya, nyebosze.
Iusz odethch mi, nyeborakv,
Mow sze mnv, vbogy zakv.
Nye boy szya dzysz moyey scoly,
Nye dam szy czyscz epistoly.[22]

---

[21] Это слово Неринг определяет как школьное выражение (Altpolnische Sprachdenkmäler. Systematische Übersicht, Würdigung und Texte. Prof. Dr. Nehring. Berlin, 1886, стр. 285). Польский текст стихотворения цитируется по этому изданию, по орфографии, принятой издателем.

[22] Встань, мистр, отвечай если умеешь,
Или ты по-польски не понимаешь?
Знать тебе. . . не поможет,
Успокойся теперь несчастный.
Говори со мной,
Бедный школяр.
Не бойся сегодня моей школы,
Не дам тебе читать епистолы.

Ситуация, при которой магистр поставлен был в положение «бедного школяра», и издевательски веселый тон этого отрывка текста переводчику не понравились, и он постарался устранить выражения, связанные со школьной терминологией, и внес некоторые изменения, в силу чего изложение приобрело такой характер: «Въстани, мистре, устрашился еси небоже. Знатие тебе хитрости твоея не поможет, уже отдохни себе и глаголи со мною. Не бойся ныне моея казни, не дам ти чести епистолы».

Здесь от всех школьных сравнений польского текста осталось только слово «епистолы». Эти примеры наглядно показывают, что переводчик сознательно стремился устранить юмористически сатирический тон произведения и придать ему наставительно-назидательный характер. В польском тексте в ходе изложения беседы еще несколько раз Смерть в своих речах употребляет слово «школа». В результате внимательной работы переводчика эта тема была полностью устранена из перевода и в перевод не попало ни одного упоминания о школе.

Переводчик старательно снимал и другие образы и сравнения, которыми изобилует польское стихотворение. В перевод не включаются такие фразы: «rzuczacz szya jako koth na myszy («бросаюсь, как кот на мышей»). «przesz dzyky noczlegv prosza» («ни у кого ночлега не прошу»).

Та же причина остановила переводчика перед следующим текстом:

Czemv thwa laszka straczyly,
Zacz czo szlego vczynyly?
Chczem do czyebye poczthy noszycz,
Aby szya dala przeproszycz.
Dalbych dobry kołacz vpyecz,
Bych mogl przeth thobv vczyecz.[23]

Переводчик, видимо, колебался, не мог решить, как перевести ему эти строчки: в Волоколамском списке в этом месте перевода оставлена чистым часть листа приблизительно того же размера, какой занимает польский текст, вероятно, переводчик потом собирался сделать вставку. То, что переводчику не нравился этот текст, подтверждает следующая первая фраза в ответе Смерти: «Chovay szobye poczthy szwoye» (береги для себя свои подарки). Переводчик, не включив в текст рассказа предложение мистра о подарках, исключил эту тему и из ответа Смерти, он ограничился таким предложением: «Блюди себе».

Далее в переводе исключается подряд все большее количество строк, но, как и ранее, сокращаются целые строчки, сохраняется текст в переводе тоже строками. Не включаются в перевод все яркие сравнения, которые имеются в речи Смерти, когда она перечисляет тех лиц, которые попадают под косу смерти, в том числе и корчмарей, что дурным пивом угощают.

При перечислении великих людей, которых Смерть погубила, в русском переводе пропущены имена Авесалома Прекрасного и Дитриха Могучего, а имена Соломона и Самсона оставлены.

После этого до конца, который не сохранился в оригинале, пропущено примерно около 250 строк; из них выбраны только четыре строчки, в которых говорится, что лекари тоже находятся во власти смерти.

Любопытно, что последнее сокращение тоже сделано путем удаления отдельных строк. Переводчик и в этом случае не пытался передать текст

[23] Зачем твою милость утратили.
Неужели тебе что-нибудь плохое учинили?
Хочу тебе подарки носить,
Чтобы тебя смягчить.
Я дал бы добрый калач испечь,
Чтобы можно было от тебя убежать.

своими словами, а шел по пути выбора нужных ему строк. В этой непереведенной части «Сказания» нет общих фраз и сентенций; характерные для этой темы мысли — о тщетности богатства, о том, что праведнику смерть не страшна, о равенстве всех перед смертью — облечены в форму конкретных примеров, изложенных в виде ярких сравнений с привлечением бытовых зарисовок. Диалог между Смертью и мистром проникнут сарказмом и иронией. Так, мистр говорит Смерти, что ей все же нужна человеческая дружба, «чтобы они согрели тебя в своей бане». На что Смерть отвечает с неменьшим юмором, что она всех забирает, в том числе и «плебанов с толстой шеей... и толстых женщин». О лекарях Смерть говорит, что они не могут помочь людям: «когда сядут в мою школу... так им не найти зелья в саду». Судьи, когда попадут в ее руки, не будут выносить «несправедливые приговоры, принимая дары от злодеев». Далее Смерть объясняет, как она все живое в природе губит, называя лису, горностая, волка, рассказывая, как «через крестьянские плетни гонит журавлей и охотничью птицу выгоняет из чащи». Не щадит Смерть и церковных деятелей — кардиналов и епископов, душит каноников, пробощей и викариев, причем Смерть заявляет, что совесть ее за это не мучает. Особенно Смерть обрушивается градом издевательств на злых монахов, которых она обещает отдать «чертям в жертву».

Все это в русский текст не было включено.

Окончание, которого нет в польском тексте, а сохранилось только в русском переводе, заключает в себе следующее. Мистр спрашивает Смерть, где же она будет на страшном суде, на что Смерть отвечает, что она будет грешников к мукам гнать, и предупреждает мистра, чтобы он не забывал об этом. Произведение заканчивается восклицаниями мистра о неизбежности гибели.

Видимо, так заканчивается и польский оригинал, но, судя по наблюдениям над способом перевода сохранившейся части польского текста, можно думать, что и последний эпизод был переведен с таким же уклоном, как и вся остальная часть произведения.

Сопоставление оригинала с переводом показывает, что сокращения в переводе велись по двум линиям: 1) снимаются все образные сравнения и юмористические выражения, придающие произведению сатирическую окраску; 2) изложение становится более сжатым, исключаются подробности.

А. Брюкнер отметил уже, что русский переводчик «Разговора» превратил польский оригинал в скучное назидательное произведение. И действительно, как можно было убедиться на сопоставлении перевода с оригиналом, переводчик, допуская в ряде случаев пропуски, придал всему произведению совершенно другой колорит. Не говоря уже о том, что была снята стихотворная форма, произведение и по содержанию получило совсем иное звучание. Оно из сатирически острого, проникнутого юмором и иронией превратилось в назидательно-наставительное, утратившее почти всякую занимательность и приблизившееся к учительской литературе. Но мало того, редактору или лицу, переписывавшему его в Волоколамском сборнике, показалось, что эта цель не до конца достигнута, поэтому для усиления назидательности он счел нужным после текста «Сказания» поместить несколько изречений отцов церкви на ту же тему о неизбежности смерти.

Характер работы русского переводчика становится особенно наглядным, если сопоставить его с тем, как подошел к переводу того же диалога украинец.

Украинский перевод «Разговора Поликарпа со Смертью» сохранился в неполном виде, дошло только начало его в составе рукописи XVII в.[24] Судя по этой рукописи, перевод был сделан не позднее XVII в.

Дошедший отрывок украинского текста позволяет судить как о характере перевода, так и об отношении его к русскому тексту. Украинский перевод сохраняет весь колорит польского оригинала — его юмористически сатирическую тональность. В этом переводе не чувствуется того стремления настроить читателя на размышления о бренности мирского существования, какое так ощутимо в русском переводе. Украинский текст (стихотворный), в отличие от русского перевода, не сокращается, а иногда даже, видимо, в целях сохранения рифмы в нем сделаны вставки.

Сопоставление украинского и русского переводов с польским оригиналом показывает, что украинский вариант перевода появился самостоятельно, совершенно не зависит от русского текста. Поэтому украинский текст не может служить дополнительным материалом для изучения русского перевода.

Изменение самой тональности «Разговора Поликарпа со Смертью» рукой русского переводчика и превращение этого сатирического диалога в назидательное произведение не являются случайными. Из изложенного ясно, что переводчик стремился именно к этой цели. Кто был заказчиком этого перевода и почему понадобилась переработка оригинала в таком направлении?

Ранее уже было показано, что именно Волоколамский список явился протографом для двух других списков, это же подтверждает и сравнение всех трех списков с польским оригиналом. Все разночтения с Волоколамским списком в двух других являются вторичными, чтения Волоколамского списка во всех случаях оказываются ближе к оригиналу.

Таким образом, у нас нет никаких оснований предполагать существование более раннего списка и более близкого к первоначальному тексту перевода, чем Волоколамский. Вполне возможно, что Волоколамский список как раз и является первоначальным списком перевода. Во всяком случае он наиболее точно передает первоначальный вид перевода, является одним из самых ранних списков с первоначального перевода. Следовательно, можно думать, что в Волоколамском монастыре и был сделан перевод, совершенно изменивший звучание произведения, в польском тексте которого чувствуется отражение событий того времени.

То, что тема, затронутая в «Сказании», не является случайной для первой половины XVI в. и среды Волоколамского монастыря, подтверждается историей еще одного памятника этого времени — «Прением Живота со Смертью», близкого своей тематикой к «Разговору Поликарпа со Смертью».

И польский «Разговор Поликарпа со Смертью», и немецкий оригинал «Прения» разрабатывают одну и ту же тему и в одной и той же форме диалога между человеком и смертью, хотя это два совершенно независимых друг от друга произведения. Идея равенства всех людей перед смертью в обоих произведениях доказывается одинаковыми доводами — называются папы, кардиналы и короли, которые наряду с бедняками тоже подвластны смерти.

Но в то время как русский перевод польского «Разговора Поликарпа со Смертью» не испытал на себе в списках никаких воздействий со стороны других литературных произведений, перевод «Прения Живота со Смертью» на русской почве претерпел большие изменения. К середине

---

[24] I. Janów. Polikarp na Rusi, стр. 189—200.

XVI в. существовало уже четыре переработки этого произведения. Четвертая редакция, появившаяся не позднее середины XVI в., носит на себе следы значительных изменений и добавлений; в ней впервые «Живот» представлен в виде храброго воина, а в «спор» между воином и смертью включены дополнительные аргументы. В этой редакции введено перечисление всемирно известных лиц и героев — мудрых и смелых, над которыми смерть все же одержала победу.

Параллели между «Прением Живота со Смертью» и «Сказанием мистра» имеются как в общем содержании, так и в ряде частных моментов, последнее особенно относится к четвертой редакции «Прения Живота со Смертью». Одна и та же тема произведений — о силе смерти и о равенстве всех людей перед ней — и общая форма изложения — диалог — характеризуют не только русский перевод, но в такой же степени польский и немецкий оригиналы. Это говорит только о том, что распространенная и популярная тема средневековой литературы привлекла к себе внимание русских книжников первой половины XVI в.: произведения с этой темой переводились, переделывались и переписывались.

Некоторое сходство между «Сказанием некоего мистра» и «Прением Живота со Смертью» четвертой редакции прослеживается в деталях. В «Сказании некоего мистра» приведено описание внешнего облика смерти, включено оно и в «Прение Живота со Смертью» четвертой редакции, в более ранних текстах «Прения» оно отсутствует. Правда, описание это заимствовано в «Прение» из Жития Василия Нового. В «Сказании некоего мистра» для доказательства своего могущества Смерть перечисляет имена известных героев, которых ей удалось победить, в переводе сохранены только Соломон и Самсон. С такой же целью названы имена Самсона и Соломона и в «Прении Живота со Смертью» наряду с Акиром Премудрым и Давидом. Причем надо отметить, что и это добавление появилось только в четвертой редакции. Но и эта вставка заимствована в «Прении Живота со Смертью» не из «Сказания некоего мистра», а из какого-то третьего источника.

Таким образом, «Разговор Поликарпа со Смертью» не является одним из источников расширения текста «Прения Живота со Смертью». Однако само включение в «Прение» мотивов, сходных с «Разговором», могло быть навеяно знакомством составителя четвертой редакции «Прения» с этим переводным памятником. Видимо, одинаковая тематика побуждала применять общие доказательства основной мысли обоих произведений — мысли о равенстве всех перед смертью.

После «Прения Живота со Смертью» четвертой редакции в самом раннем списке его помещено небольшое «Сказание о некоем человеке богобоязниве». В данном списке оно не имеет заглавия, которое было добавлено к тексту позднее, а отделено от «Прения» словом «толкование», написанным в той же строчке, на которой оканчивается «Прение». Сказание это понималось в данной рукописи как разъяснение содержания «Прения», в нем развивается идея равенства всех перед смертью и внушается необходимость смирения и покаяния. «Прение» вместе с этим сказанием имеет построение назидательной притчи, в конце которой обычно дается толкование.

К тексту «Сказания некоего мистра» в Волоколамской рукописи подобраны цитаты из Златоуста и Пчелы о необходимости смиренномудрия, причем они приписаны не как самостоятельные статьи, а как окончание текста «Сказания». Следовательно, и в первом, и во втором случаях у редакторов обнаружилось одно и то же намерение — подкрепить разъясняющим рассуждением основные мысли обоих произведений.

О том, что оба памятника в сознании русского книжника XVI и XVII вв. представлялись идейно близкими, свидетельствует и следующий факт. В рукописи ГИМ, собр. Щукина, № 132[25] имеется текст «Прения Живота со Смертью», близкий редакции Синодика (т. е. включающегося часто в синодики, который в свою очередь близок третьей редакции). «Прение Живота со Смертью» в составе Синодика встречается в списках XVII в., видимо, к этому времени данная редакция и относится. Список «Прения» по рукописи собрания Щукина, № 132, имеет вставку из «Сказания некоего мистра» — рассказ о том, откуда смерть ведет свое начало. Этот отрывок из «Сказания», включенный в текст «Прения Живота со Смертью», по своим разночтениям ближе всего стоит к списку Богданова, причем последний оканчивается на том самом месте, где обрывается вставка из «Сказания некоего мистра». Следовательно, этот отрывок был заимствован из какой-то рукописи с текстом «Сказания», подобным списку Богданова. Пример этот указывает на существование еще одного списка «Сказания», причем тоже написанного после Волоколамского списка, который и для этого списка являлся протографом: слово «в раи» включено в текст, в Волоколамском списке оно было приписано на полях.

Таким образом, между «Прением Живота со Смертью» четвертой редакции и «Разговором Поликарпа со Смертью» много точек соприкосновения: общая тема, форма изложения — диалог, развитие сюжета, параллели в частностях и общий религиозно-назидательный вывод, который внушался читателю. «Прение Живота со Смертью» четвертой редакции составлено было не позднее середины XVI в.; «Разговор Поликарпа со Смертью» переведен был не позднее этого времени.

«Прение Живота со Смертью» живо интересовало читателей, идейно близких направлению, во главе которого стоял Иосифо-Волоколамский монастырь. Ранние списки трех редакций «Прения» дошли в составе сборников из библиотеки Волоколамского монастыря. Хотя и нельзя окончательно утверждать, что там именно сложились эти редакции «Прения», тем не менее можно с достаточным основанием предполагать, что иноками Волоколамского монастыря в первой половине XVI в. усиленно переписывалось «Прение Живота со Смертью» по нескольким редакциям наряду с произведениями Иосифа Волоцкого.

В той же среде обнаруживается интерес и к «Разговору Поликарпа со Смертью». Текст его в наиболее раннем списке и наиболее близком к первоначальному виду, от которого ведут свое происхождение остальные сохранившиеся списки, тоже дошел в составе Волоколамского сборника с той редакторской правкой, которая была включена во все последующие тексты. Поэтому вполне возможно допустить, что перевод «Разговора Поликарпа со Смертью» был сделан именно в Волоколамском монастыре в первой половине XVI в. Во всяком случае дошедшая редакция «Разговора» идет безусловно из Волоколамского монастыря.

Таким образом, история обоих памятников связывается с определенным направлением общественной и литературной жизни Русского государства XVI в.

---

[25] Рукопись писана в 1782 г. В конце рукописи записи писца: «Начата сия книга глаголемая святцы писати мною многогрешным Иваном Ивановым в лето 7290 (1782 г.)», вторая — «Сия книга глаголемая Святцы Вишепскаго купца Ивана Иванова сына Собольщикова писана своею рукою и самим Собольщиковым своеручно. Подписана в 1782 году месяца апреля 26 дня». Рукопись писана полууставом поморского письма, в четверку, на 887 листах. «Прение Живота со Смертью» на лл. 617—623. В рукописи много лицевых изображений и заставок. Рукопись описана: А. И. Яцимирский. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. М., 1896, стр. 194—199.

Этот вывод подтверждает, что иосифлянство было не только ярко выраженным направлением в церковно-политической жизни. Его влияние распространялось на разные области культуры, в том числе оно содействовало созданию и популяризации литературных произведений, по своей идейной направленности близких мировоззрению последователей Иосифа Волоцкого. Иосифо-Волоколамский монастырь в первой половине XVI в. продолжал традиции кружка архиепископа Геннадия в области литературно-идеологической деятельности.[26]

В начале XVI в. иосифлянская идеология становится «идеологией господствующей феодальной церкви, тесно связанной (хотя и не всегда солидарной) с феодальным государством».[27] В таких условиях влияние ее на развитие литературных направлений могло быть значительным.

Перевод «Сказания некоего мистра» или по крайней мере редактура уже сделанного ранее перевода и переработка «Прения Живота со Смертью» — примеры литературной деятельности иосифлянских кругов. Эти примеры подтверждают наблюдения Я. С. Лурье, который указывает, что в XVI в. защитники официальной идеологии постарались избавиться от «неполезных повестей»,[28] от той светской литературы, которая в XV в. заметно выдвигается в общей массе книжности. Среди этих защитников официальной идеологии первое место занимали иосифлянские круги, и судьба двух произведений, напоминавших читателям о необходимости постоянно готовиться к смерти, никого не щадящей, наглядно показывает то усиление дидактических тенденций в литературе, идейное руководство которым исходило из этих кругов.

---

[26] Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 266—268.

[27] Там же, стр. 458.

[28] Там же, стр. 501. Подробнее о судьбе светской литературы в XVI в. см. статью Я. С. Лурье «О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв.» в настоящем сборнике, стр. 262—288.